

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

ОТ РАССВЕТА ДО ПОЛУДНЯ.....	7
ГАРНИЗОН «УГОЛКА».....	90
ОЖИДАНИЕ	133

Рассказы

БЫЛО ПРИКАЗАНО ВЫСТОЯТЬ.....	235
ТРУДНЕЕ, ЧЕМ НАМ	243
ХОЗЯИН	251
СЛУГА НАРОДА	257
ДОЛГОЖДАННЫЙ ШЕЛЕСТ ЛИСТВЫ.....	265
НЕСМОЛКАЮЩАЯ БАТАРЕЯ.....	272
ДРУЗЬЯ	281
ПОДАРОК.....	289

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЁД!	299
ОРЛЫ.....	307
КОМАНДИР БАТАРЕИ.....	333
ПЕРЕВАЛ	344
ПИСЬМА ПОД ПРАЗДНИК	353
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «ТРИДЦАТЬЧЕТВЁРКИ»	362
СОЛДАТ КАШИРИН	372

ПОВЕСТИ

ОТ РАССВЕТА ДО ПОЛУДНЯ

Есть упоение в бою...

А. С. Пушкин

1

Ещё только забрезжил рассвет. На передовом крае всё было пока по-ночному: то тут, то там трепетало в небе холодное белое сияние ракет; лениво и бесцельно, как деревенские сторожа колотушками, постукивали пулемёты; гулко бухали редкие карабинные выстрелы. Одним словом, на передовом крае царил покой. В это время в подвал разрушенного артиллерийскими снарядами помещичьего дома, по-хозяйски стуча по каменным ступенькам лестницы подкованными каблуками яловых сапог и шепча при этом всякие нецензурные выражения, сбежал старшина Гриценко. Это был рослый, уже в годах, человек, очень уважающий себя и своё особое, ни с чем не сравнимое должностное положение. Ротный старшина, как известно, человек всемогущий. Живот Гриценко туго перетягивал офицерский, с портупеей, ремень, на одном боку висела кирзовая сумка, а над глазами

торчал длинный и толстый козырёк фуражки, сшитой из старой суконной гимнастёрки бог знает каким умельцем. Если ко всему этому прибавить старательно отглаженные и почти новые тёмно-синие диагоналевые шаровары и до блеска начищенные ладные сапожки, то станет ясно, что старшина Гриценко был к тому же самым отменным фронтовым щёголем.

Он слыл хорошим строевиком, с начальством был терпелив, с подчинёнными строг, всё ему в жизни, как и положено настоящему старшине, было известно, понятно и ясно. Только одного, и то лишь в последние дни, Гриценко никак не мог взять в голову и объяснить себе: почему он до такой степени невзлюбил этот подвал с обшарпанными каменными ступенями, что всякий раз, спускаясь по лестнице, вынужден был изощряться в сквернословии.

А в подвале вот уже десятый день размещался командный пункт роты.

Шла весна 1945 года. Солнечный, с тёплыми европейскими ветрами, апрель будоражил солдатскую душу.

К тому же все видели и чувствовали, что войне скоро должен наступить конец, были возбуждены необыкновенно радостным ощущением приближающейся победы, и неожиданная, досадная задержка уже в самой Германии, затянувшаяся на полторы недели, очень всех огорчала: и таких опытных, прошедших огонь, воду и медные трубы военных спецов, вроде старшины Гриценко, и тех отчаянных, бесшабашно смелых, любопытных парней, что вступили в войну на полпути, а то и того позже — догнали войска уже за границей.

Все они — и старые, и молодые — были сейчас в эти погожие, стремительно набегавшие один на другой дни счастливо убеждены в том, что именно им как раз и выпала доля дожить до конца войны, до полной победы над фашистами и вернуться домой здоровыми и невредимыми.

В подвале, куда молодежато сбегал Гриценко, стоял полумрак. На нарах, застланных помещичьиными пуховыми перинами и коврами, вповалку спали офицеры, телефонисты и артиллерийские разведчики. В углу, возле рации и коммутатора, стоявших на полированных, с изогнутыми золочёными ножками столиках, не то задремав, не то задумавшись, сидел, склонив голову, дежурный телефонист. Перед самым его носом коптила смастерённая из семидесятишестимиллиметровой артиллерийской гильзы лампа.

Гриценко сразу увидел непорядок и, вплотную подкравшись к телефонисту, укоризненно, даже с некоторой радостью прошептал:

— Спишь! Все отдыхают, надеются на него как на бога, а он спит.

Телефонист поправил на голове тесёмку, к которой была прилажена телефонная трубка, и снизу вверх, чуть полуобернувшись, не спеша, вопросительно поглядел на старшину.

— Спишь, — с разочарованием качая головой, прошипел старшина.

— Никак нет, — тем же зловещим шёпотом ответил телефонист. — О жизни думаю.

— Ай-яй-яй, — опять покачал головой старшина.

Он уже понял, что не угадал, попал впросак, но, как всякий уважающий себя старшина, даже

не подал виду. Наоборот, Гриценко глядел на телефониста снисходительно и после многозначительной паузы сказал:

— Я вот и гляжу — с чего это у тебя голова такая большая, словно у учёного. А она, стало быть, от излишних мыслей.

В это время на нарах, брякнув орденами и медалями, рывком сел всклокоченный, распоясанный, с распахнутым воротом гимнастёрки офицер. Он ещё быстро и крепко тёр лицо ладонями, а старшина Гриценко уже стоял перед ним, браво выпятив грудь и вытянув руки по швам.

— Это ты, старшина, шумишь? — спросил офицер.

— Я, товарищ капитан, — простуженно просипел старшина и уже громко, радостно, как о чём-то совершенно необыкновенном, сообщил: — Завтрак готов.

— Добре, батьку, добре, — поощрительно молвил офицер. — Чего же ты нам сегодня наварганил?

— Как было вами приказано с вечера: мясо с макаронами и чай.

— Накорми людей как следует, от пуза, не скупись.

— Да разве я, товарищ капитан... — обиженно начал было старшина Гриценко, но капитан, засмеявшись и махнув рукой, перебил его:

— Да знаю, знаю я тебя...

Старшина умолк и, тоже засмеявшись, сказал:

— По котелку на брата дам, куда больше.

— Пусть наедятся кто как горазд, ещё неизвестно, когда будем обедать.

— А обед готовить прикажете как всегда?

— Как всегда и на всех.

При этих словах капитан многозначительно поглядел на старшину и, больше ничего не сказав, принялся натягивать сапоги.

— Слушаюсь, — отдал честь старшина.

За те два года, которые они провоевали вместе, бок о бок, старшина Гриценко научился понимать своего командира не только с одного слова, а с одного взгляда. Сейчас командирский взгляд выразил неизмеримо больше того, что капитан произнёс вслух.

Тёмные, цыганские глаза командира сказали старшине Гриценко вот что: нам сегодня идти в наступление, и никто пока не знает, с каким успехом для нас будет развиваться этот бой; возможно, многие из нас будут ранены и даже убиты, стало быть, так или иначе покинут роту, но пока на всё это не надо обращать внимания, и тебе, старшина, следует всё делать так, как всегда, как вчера, неделю и даже месяц назад.

Вот так надо было понять взгляд командира, и именно так понял его старшина Гриценко. Ни о чём больше не спрашивая, он повернулся к телефонисту и приказал:

— Вызывай из взводов посыльных за завтраком. Кухни будут на старом месте. Да пусть там не особенно прохлаждаются, светает.

— Светает! Подъём! — скомандовал капитан, и на нарах тут же все зашевелились, а капитан, притопывая, чтобы ноги удобнее улеглись в сапогах, тем временем обратился к старшине:

— Как там на воле?

— Весна, товарищ командир, — радостно рявкнул Гриценко.

По всему его виду можно было сразу понять, что ему доставляет чрезвычайное удовольствие сообщить об этом капитану.

— Ну, пойдём, покажешь мне эту весну, — сказал капитан.

— Получайте завтрак, — ни к кому не обращаясь, но так, чтобы все его слышали, повелительно и деловито бросил старшина и поспешил вслед за капитаном к выходу из подвала.

2

А на дворе действительно была весна. Она сразу же дала знать о себе вышедшему из душного подвала офицеру таким свежим, ароматно ядрёным, крепким запахом земли, чуть пробившейся травы, набухших почек, холодком не растаявшей, должно быть, где-то в овраге глыбы лежалого снега, что капитан невольно улыбнулся и оглядел двор.

Впрочем, никакого двора не было. Лишь кое-где оставался в сохранности кирпичный, словно крепостная стена, забор. Все постройки усадьбы: конюшня, коровник, свинарник, птичник, всевозможные склады, кладовушки и иные строения, которым не подберёшь и названия, ещё совсем недавно добротны прочные, аккуратные, основательно обжитые, — превратились, как и сам помещичий дом, в развалины.

Здесь, через усадьбу, через сад, по двору рядом с домом немцами были отрыты окопы и огневые площадки, и ещё две недели назад немецкие солдаты, занимавшие эти окопы, чувствовали себя в полной безопасности, а все постройки усадьбы

были целы и невредимы. Однако наши войска, оставшиеся на марше, догнали наконец оторвавшегося противника, с ходу завязали ожесточенный бой, предполагая с ходу же овладеть и опорным пунктом, в который была превращена усадьба. Но фашисты оказали такое яростное, неожиданное сопротивление, что наши, неся потери, вынуждены были отойти, вызвать авиацию и артиллерийский огонь, а после обработки переднего края снова идти в атаку и опять откатиться. Лишь в третий раз, ценою огромных усилий, удалось выбить немцев из опорного пункта. К тому времени от помещичьей усадьбы остались лишь развалины.

Немцы отошли на вторую линию обороны, которая пролегла по холмам западнее усадьбы и которую в те дни наши войска уже не смогли одолеть. Дивизия, троекратно штурмовавшая первую линию фашистских укреплений, утомлённая длительными маршами и бросками, потерявшая в этих боях больше половины людского состава (в последнем штурме участвовали даже писари, ездовые и артисты ансамбля песни и пляски), вместо штурма второй оборонительной линии немцев была вынуждена поспешно закапываться перед этой линией в землю.

Рота капитана Терентьева подошла сюда в составе отдельного пулемётно-артиллерийского батальона позднее, когда всё уже было сделано, открыты свежие ходы сообщений и заминированы стыки.

Дивизия стояла на переднем крае двумя полками, занимая по фронту пятикилометровый участок. Этот участок и принял от неё пулемётно-артиллерийский батальон укрепрайона. Дивизия

отошла в тыл для переформировки и пополнения, а батальон растянулся четырьмя ротами вдоль всего отведённого ему участка. Пристреляли пулемёты, поставили артиллерийские и миномётные заградительные огни, выкатили сорокапятимиллиметровые пушки на более вероятные направления танковых атак и даже начали, не мешкая, по особой, только одним уркам (так повсюду на фронте звали укрепрайоновцев) присущей привычке, деловито и старательно, словно бобры, строить дзоты. Урки всюду любили устраиваться прочно, по-хозяйски.

Капитану Терентьеву в то время шёл уже двадцать пятый год. Был он невысок, лёгок на ногу, худощав, в крови его бродила не то цыганская, не то татарская, не то чеченская кровь. По натуре это был ласковый, застенчивый парень. Но он постоянно стыдился этой своей застенчивости, считал её большим недостатком и изо всех сил старался выглядеть грубым человеком, что, по его мнению, было больше к лицу настоящему солдату. Порою беспричинно раздражаясь, он кричал и ругался, но, как и все мягкие, добрые люди, быстро отходил и потом долго в душе мучился и каялся и готов был у всех просить прощения за свою вспыльчивость.

И ещё Терентьев любил правду и считал своим святым долгом говорить людям то, что думает о них. Даже когда можно было бы и поступиться этой правдой, промолчать, чтобы пощадить человека, его самолюбие, или, как говорят, уважить его, поскольку многим от терентьевской правды бывало очень худо — так она была резка и откровенна. Но Терентьев делать этого не умел.